

находим и у Шлихтинга, и в нашей повести: «Столп, а в нем статейный список из сыскного из изменного дела 78 (1570) году, на Ноугородского архиепискупа, на Пимена, и на новгородских дьяков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве с бояры . . . и в том деле многие казнены смертью . . . а иные розсланы по тюрьмам, а до кого дело не дошло, и те свобожены, а иные помилованы. Да тут ж список, ково казнити смертью, и какою казнию, и ково отпустить . . . и как государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город, на полое место сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити».²³ Как видим, совпадение основных деталей этого официального документа с рассказом современника-иностранца и с историческими реалиями повести полное. Напомним, что ни до, ни после 70-х годов подобных массовых казней в XVI в. не происходило, и, таким образом, в повести отражены именно эти казни.

При чтении повести бросается в глаза преимущественное внимание автора к купеческому сословию. Купцы не только поставлены на одну доску с князьями и боярами, но подчас играют даже более важную роль, чем они. С купцов начинается казнь. Героем повести, спасшим множество обреченных, в том числе князей и бояр, является купец. Трудно допустить, чтобы подобную позицию явного «завышения» роли купцов занимал представитель боярства, дворянства, или духовенства.

Повесть про купца Харитона Белоулина несомненно родилась в купеческой или околкупеческой среде, на городском посаде. Автор повести был москвичом, современником описанных им событий. Мы видели, что в ткань повести обильно вплетены разнородные подлинные детали событий, бесспорные исторические реалии. При этом ранний вид повести не содержит ни ошибок, ни анахронизмов. Они, как мы увидим, появились в повести, как только она попала в руки поздних переписчиков и вышла за пределы Москвы. Такая точность в исторических деталях была бы едва ли достижима для лица, узнавшего об описанных им событиях с чужих слов.

*

Повесть, вызванная к жизни событиями, связанными с Новгородом, со временем нашла распространение и в самом Новгороде, и в его владениях. Рассказанное в ней должно было еще долго находить живой отклик в сердцах поколений новгородского купечества. Поэтому вполне закономерно, что два из четырех известных нам списков повести новгородского происхождения.

Один из этих списков, поступивший в ГПБ в 1958 г., находится, как уже говорилось, в сборнике, вернее в отрывке сборника, конволюта конца XVII—начала XVIII в., в 8°, на 16 л., сшитых веревкой сравнительно недавно, возможно в XX в. Водяные знаки не видны, текст написан скорописью различных почерков. При составлении листы перепутаны. Л. 1 являлся, согласно старой пагинации сборника, 89-м; л. 5, на котором начинается повесть, был 74-м; последний, 16-й, был 84-м. Отсюда ясно, что составитель сборника действовал механически, не зная буквенной пагинации и не умея читать тексты, связность изложения которых он нарушил.

О содержании всего сборника на основании дошедших 16 листов судить нельзя. Тем не менее есть данные, позволяющие связывать его происхождение

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М—Л, 1950, стр. 480—481.